Е. В. Арофикин

ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

(ТКАНЬ «КИТАЙКА» В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ УКРАИНСКОГО НАРОДА)

Говорят, что песня — душа народа. В народных песнях отражаются его думы, надежды, чувства, быт. Песня живет с народом, передаваясь из поколения в поколение, неся с собой информацию о былом. Отсюда и внимание этнографов к песне.

В XVIII—XIX вв. в украинских народных песнях очень часто упоминалась ткань китайка, даже чаще, чем такие украинские национальные тканые изделия, как плахта, рядно, лижник, намитка. Правда, еще чаще в песнях упоминается рушник. Но если это вполне объяснимо ролью рушника в народных обрядах, то чем объяснить популярность китайки — ткани явно иностранного происхождения? И вообще, что это за ткань — китайка? В XX в. она уже не встречалась, не осталось о ней и достоверных сведений. Представления о характере этой ткани разноречивы и чаще всего основываются на предположениях. Некоторые материалы о китайке содержатся в украинской народной песне. С помощью анализа и сопоставления полученных данных с имеющимися в литературе сведениями попытаемся составить представление об этой ткани и ее роли в быту украинского народа.

Рассмотренные ниже фольклорные материалы свидетельствуют о том, что китайка — ткань хлопчатобумажная. Однако в словарях дается различное описание этой ткани. Так, «Словарь коммерческий» [1] и «Словарь Академии Российской» [2], а также словари В. И. Даля [3] и А. Г. Преображенского [4] относят китайку к хлопчатобумажным тканям.

И. И. Срезневский [5], П. И. Савваитов [6], М. Фасмер [7] утверждают, что китайка — это шелковая ткань, особый вид тафты. Есть и третье мнение: «китайка первоначально была шелковой тканью, а затем стала хлопчатобумажной». Такое утверждение мы находим в четырехтомном «Словаре русского языка» (М., 1961) и в «Словаре современного русского литературного языка» (М.— Л., 1956).

---

[1] «Словарь коммерческий», ч. III, М., 1790, с. 191, 192.

[2] «Словарь Академии Российской», т. III, СПб., 1792, с. 546.

[3] *В. И. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, СПб., 1912, с. 112.

[4] *А. Г. Преображенский.* Этимологический словарь русского языка, М., 1958, с. 310.

[5] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, СПб., 1893, с. 1210.

[6] *П. И. Савваитов.* Описания старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора в азбучном порядке расположенные. СПб., 1896, с. 143.

[7] *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка, т. II, М., 1967, с. 240.

Подтверждение того, что китайка ткань шелковая, в письменных источниках нам не встретилось. Не отождествляется она с шелком и в народных песнях. Вот несколько тому примеров.

На дівоньках шмаття —
То шовк та китайка,
Кармазинова крайка... [8]
Як два сина родила —
Чорним шовком обвила
І в китайку сповила... [9]

— Звяжи мині, дівчинонько, головоньку та китайкою;
Буду тобі вірним другом — ти мені коханкою!
Звяжи мені головоньку шовковою та хустиною;
Буду тобі вірним другом, а ти мені дружиною [10].

Если и есть в народной песне упоминание о шелковой китайке, как, например,

Дала ему принадочку,
З черного шовку китаёчку... [11]

то, скорее всего, это говорится о тафте — старинной, тоже гладкоокрашенной шелковой ткани, простого, как и китайка, «полотняного» переплетения. Одной из ее разновидностей была тафта китайка, о которой из торговой книги начала XVII в. известно лишь, что она «...хуже всех, широта пол-аршина с покромью» [12] и стоимостью в три алтына. О том, что тафта бытовала в народном обиходе, свидетельствуют в своем донесении государю в 1622 г. посланники Иван Кендырев и дьяк Бормосов: «...на Дону живут черкасы запорожские, возвратившиеся с Черного моря, что в казачьих городах нашли они, посланники, волжских воровских козаков, атамана Богдана Чернушкина с товарищами человек с 50, ходят в рубашках тафтяных, в кафтанах бархатных и камчатых, а были они на море и громили персидские суда...» [13] Впоследствии тафта стала вырабатываться не только из шелковой, но и из хлопчатобумажной пряжи.

Китайкой иногда ошибочно называли и другую, очень популярную в народе шелковую ткань персидского происхождения — «камку» и ее разновидность — «китайскую камку», которая, как сообщает В. Клейн, «...пользовалась исключительно большим спросом...» и «...применялась в женской одежде, особенно сарафанах и киках, под именем китайки» [14]. Однако камка, хотя и была тоже одноцветной, отличалась от китайки и тафты своим тональным (камчатным) узором, создаваемым переплетением одноцветных нитей основы и утка.

Ты, камка, ты наша камочка,
Золота камка узорчата...

поется в одной из свадебных песен, записанных И. В. Костоловским [15]. Что же касается китайки, то ни в торговых книгах, ни в описях имущества, ни в дошедших до нас сведениях о технологии крашения китайки, ни в других письменных источниках — нигде мы не встречаем упоминания о ее узорчатости. Ни слова не говорится об этом и в народных думах и песнях, в которых обычно такой признак ткани, как узор-

---

[8] *П. П. Чубинский.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, т. III, СПб., 1872, с. 32.
[9] «Українські народні пісні», ч. II, Київ, 1965, с. 312.
[10] *П. П. Чубинский.* Указ. раб., т. V, СПб., 1874, с. 305.
[11] Там же, т. III, с. 219.
[12] *П. И. Савваитов.* Указ. раб., с. 282.
[13] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, кн. V, М., 1961, с. 202.
[14] *В. Клейн.* Путеводитель по выставке тканей VII—XIX вв., М., 1926, с. 22.
[15] См. *Р. С. Липец.* О значении сводных фольклорно-этнографических собраний.— «Сов. этнография», 1975, № 1, с. 79.

чатость, никогда не остается без внимания. Везде китайка характеризуется как одноцветная ткань гладкого крашения.

Исходя из этого, нельзя отождествлять с китайкой и ситцы с китайским орнаментом, о которых пишет в своей книге «Набойка в России» Н. Н. Соболев: «До сего времени есть ситцы, носящие название китаек. Они далеки от того первоисточника, который дал им свое имя, но среди древних набоек есть некоторые, по типу композиции близкие к оригиналу» [16]. Конечно, китайский орнамент, использованный в качестве набивного узора на ситце, мог послужить причиной наименования такой ткани китайкой, но к подлинной гладкоокрашенной китайке эта ткань не имеет никакого отношения.

Итак, китайка — это хлопчатобумажная ткань гладкого крашения. Простое «полотняное» переплетение обеспечило максимальную взаимосвязь довольно толстых нитей основы и утка, что придало ткани добротность и некоторую жесткость. Вырабатывалась и более тонкая китайка, и, чем тоньше она была, тем выше ценилась. Окончательный вид и качество ткань получала после заключительной отделки — лощения. На готовую окрашенную и проклеенную ткань наносили глянец (лоск) путем «отколачивания» ее на дубовой колоде специальным молотком — *токмаком*, сделанным из комля березы [17]. Для большей твердости на колоду и молоток наклеивались бруски сухого пальмового дерева. Сначала китайка отколачивалась в скатанном виде при медленном поворачивании, окончательное же лощение производилось отколачиванием ее в развернутом виде с лицевой стороны. В результате такой обработки ткань становилась шелковистой на ощупь, а на лицевой поверхности ее появлялся глянец. О блеске китайки даже упоминается в одной из украинских песен:

Як на тобі черевички скрипіли,
То ми тебе, красна панно, схотіли.
Як на тобі китайочки блистіли,
То ми тебе, красна панно, схотіли [18].

Уж не этот ли блеск причина того, что китайку иногда принимали за шелковую ткань? Тем более что и название ткани напоминает о родине шелка. В некоторых песнях ее даже называют «китай».

Породила два сина,—
Да й обидва Василя;
В чорний китай сповила... [19]

У себя на родине эта ткань называлась «бу», а ее разновидности — «шанхай-бу», «шанхуа-бу», «енхуа-бу», «язюр-бу», «моо-бу» [20].

Начиная со второй половины XVI в. китайка становится основным предметом торговли Китая с Россией, а в пограничном торговом пункте Кяхте она даже служила мерой ценности всех остальных товаров. Продавалась китайка тюками. Каждый тюк (по-китайски — «тюнь») содержал 10 «концов» китайки разных цветов, по 9 аршин в каждом [21]. Такая упаковка упоминается и в народной песне:

Полюбыв мене купець-молодець,
Подарыв мени китаеки конець.
Ей кытайку носыть хочется,
А любыть купця не хочетця [22].

---

[16] *Н. Н. Соболев.* Набойка в России, М., 1912, с. 54.
[17] *К. Зайцев.* Очерк развития и настоящего положения китаечного производства. Казань, 1858, с. 21.
[18] «Пісні з Волині», Київ, 1970, с. 81.
[19] *П. П. Чубинский.* Указ. раб., т. V, с. 924.
[20] *М. Д. Чулков.* Историческое описание российской коммерции, т. III, кн. II, М., 1785, с. 40—42.
[21] *М. Д. Чулков.* Указ. раб., т. III, кн. I, с. 117; кн. II, с. 40—42.
[22] *Д. И. Эварницкий.* Малороссийские народные песни, Екатеринослав, 1906, с. 355.

Вырабатывалась китайка в основном синего цвета, что нашло отражение в русской пословице, записанной В. И. Далем: «Синий, как китайка»[23].

Синяя китайка была очень разнообразной по тону, причем прочность крашения, а следовательно, и стоимость ткани возрастали от светлого (голубого) тона к темному (сине-вишневому). Кроме синего, народные песни упоминают и другие цвета китайки: черный, красный, вишневый, голубой, зеленый, желтый, белый. В торговых книгах, в отчетах фабрик встречаются упоминания о китайке коричневой, алой, рыже-желтой, песочной, лазоревой, крапивной, жаркой (оранжевой), чанхировой (светло-голубой), яхонтовой.

В зависимости от толщины и плотности нитей, ширины ткани, длины ее концов различали следующие виды китайки: ординарная или простая (по-русски — «тюневая»), складная, вальковая, семиланная, самцовая, однопортищная, одинцовая, ламская[24]. Однопортищная, например, была шире и почти вдвое длиннее простой, самцовая и семиланная отличались особой тониной и плотностью нитей, тщательностью отделки и значительно более высокой стоимостью. Наиболее известными разновидностями китайки являлись даба и нанка. Даба была шире китайки на полтора вершка и почти вдвое длиннее; в продажу поступала белой или окрашенной, обычно не лощеной. Нанка — первоначально суровая (неокрашенная), грубая ткань с природным желтоватым оттенком хлопкового волокна. Свое название она получила по месту ее производства в Китае — г. Нанкину.

Китайку поставлял не только Китай. С середины XVI в. китайка вместе с другими хлопчатобумажными тканями (бязь, бумазея, киндяк, миткаль, кумач) ввозилась в Россию из Европы морским путем через Архангельск[25]. Поступала китайка и из южных стран. Как видно из перечня цен «на сукна, материи, сафьян, жемчуг и прочее в г. Стародубе в начале XVIII века», приведенных в журнале «Киевская старина», на Украине была известна «китайка козолбаская» (кизылбашская), т. е. персидская, и «китайка мосолбаская», т. е. из г. Мусула, входившего тогда в Турецкую империю[26]. Кстати, по имени этого города названа хлопчатобумажная ткань муслин, которая там впервые стала вырабатываться.

Привозимая из-за тридевяти земель китайка была доступна только состоятельным слоям населения. «Нижнее платье летом у зажиточных было китайчатое, у прочих холстинное...» — читаем мы у Д. Н. Бантыш-Каменского[27]. Кроме того, в думе «Бідна вдова і три сини», записанной А. Сластионом со слов кобзаря М. Кравченко, читаем:

Іди ти, іди, наша мати старая,
Преч із нашого багатого двору —
Будуть у нас гості наіжджати
У синіх каптанах,
У китаєвих штанях...[28]

Относил китайку к дорогим тканям и выдающийся писатель и публицист конца XVI — начала XVII в. Иван Вышенский. Обличая крепостников, которые «...в злотогловых подушках и китайчаних пелюхах родят...», одеваются в дорогие ткани, в то время как их бедные под-

---

[23] *В. И. Даль.* Пословицы русского народа, М., 1957, с. 474.
[24] *М. Д. Чулков.* Указ. раб., т. III, кн. I, с. 117; кн. II, с. 40—42.
[25] См. *К. А. Пажитнов.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России, М., 1958, с. 23.
[26] См. «Киевская старина», т. XLVI, 1895, с. 451, 453.
[27] *Д. Н. Бантыш-Каменский.* История Малой России, ч. III, М., 1841, с. 200.
[28] «Думи», Київ, 1969, с. 262.

данные, пот и кровь которых они сосут, «...и простое сермяжки доброе, чим бы наготу покрити могли, не мають!»[29]. В один ряд с «серебром-златом» ставится китайка и в народной песне.

В Царіграді на базарі
Де брат сестру запродав,
Та не знає, що взять має;
Вона собі ціну знає:
«Бери гроші, не лічачи,
Серебро-злато, не важачи,
Китаєчку не мірячи»[30]

В период Колиивщины — народной борьбы с угнетателями в 1768 г.— были сложены песни, в которых в образной форме «будем драти... з китайки онучі» выражалась уверенность в победе над панами, засевшими в Умани, Фастове, Белой Церкви и в других городах.

Ой уже ж тая та Білая Церква та обитая китайками
Ой тепер вона та завойована та славними та козаками!
Ой хвалився батько Швачка, та до Фастова йдучи:
«Ой будем драти, панове молодці, китаєві онучі!»[31]

В дальнейшем почти в такой же форме в наймитских и чумацких песнях стали выражать надежду на удачу в делах.

Хвалилися наші хлопці, у Херсон ідучи:
— Будемо топтати з китайки онучі[32].

Новая волна повстанческого движения украинского крестьянства против крепостников во второй четверти XIX в. под руководством Устима Кармалюка породила и новые песни с призывом к беспощадной вооруженной борьбе с панами. «Червона китайка» здесь — символ огня, который должен испепелить усадьбы угнетателей[33].

Наиболее часто упоминается китайка в исторических казачьих думах и песнях. В одной из песен сборника П. П. Чубинского в образной картине бранного поля, на котором полегли казаки, дается идеализированное представление о запорожском войске, якобы сплошь одетом в красную китайку.

Ишли ляхи на три шляхи,
А татари на чотирі,
Козаченьки поле вкрили
Червоною китайкою[34].

Между тем в остальных песнях этого сборника красная китайка не упоминается. В десяти случаях говорится о голубых казачьих жупанах, в трех — о синих, в двух о зеленых и в одной песне цвет жупана не указан. Результат этого подсчета, а также свидетельства других источников говорят о том, что основным цветом казачьих жупанов был все же синий разных оттенков, полученный с помощью красителя индиго. Более красочная и нарядная красная китайка стоила вдвое дороже синей из-за дороговизны красителя и более сложной технологии крашения.

В Запорожскую Сечь китайка привозилась в основном из центральных районов России купцами и казаками. Так, среди различных товаров, провезенных казаком Кущевского куреня Леонтием Павловым че-

[29] *Іван Вишенський.* Вибрані твори, Київ, 1972, с. 61, 75.
[30] «Українські народні пісні», кн. I, Київ, 1954, с. 28.
[31] «Історичні пісні», Київ, 1961, с. 523.
[32] «Наймитські та заробітчанські пісні», Київ, 1975, с. 390.
[33] См. «Історичні пісні», с. 700 («Ой вийди, вийди, наш господарю»).
[34] *П. П. Чубинский.* Указ. раб., т. V, с. 946.

рез Кременчугскую таможню 11 марта 1764 г., значилась и китайка разных цветов, а казак Батуринского куреня Иван Таран провез 10 и 14 августа 1769 г. через Переволоченскую таможню два обоза товаров. Наряду с сукном сермяжным и лавочным, холстом, московской пестрядью, крашениной, камлотом, штофом, крепом и парчой было там и 10 концов голубой китайки [35]. Дальние перевозки удорожали китайку, и она еще долгое время была не по карману беднейшему населению. С присущим народу юмором и горькой иронией изображается в думе о казаке Голоте его нищенский внешний вид, где китайчатыми только в насмешку называются его онучи из обыкновенной бабьей дерюги [36].

В народных думах, песнях, пословицах и поговорках приводится немало свидетельств тяжелого положения беднейшей части казачества, так называемой «сероми», которая находилась в материальной зависимости от богатых казаков, работала на них, порой несла за них нелегкую и опасную сторожевую службу. О справедливом вознаграждении за труд и службу приходилось только мечтать. В дошедшей до нас колядке XVI века так говорится о желаемом расчете с хозяином:

Ми там чуємо доброго пана
Що платить добре за служеньку:
Он дає на рік по сто червоних,
По коникові, по вороному,
По жупанові, по китаєву [37].

Однако данные за XVIII в., приведенные В. А. Голобуцким в книге «Черноморское казачество», говорят о том, что не только конь, но и жупан из китайки не всегда был доступен наймиту (годовой его заработок был от 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к.), а «свита синего сукна стоила 5 руб., свита простая — 3 руб., рубаха простая — 40 коп., шаровары синего сукна — 3 руб., шаровары простые — 1 руб., шапка — 80 коп.» [38]. Поэтому чаще приходилось довольствоваться костюмом из грубого домотканого полотна, прибегая иногда к ухищрениям вроде того, о котором поется в шуточной украинской песне.

Ой чия то парубчина,
Ой чия то чванька?
Закрасила мама штани,—
Він каже китайка [39].

Ну, а уж если штаны или рубашка, надетые по случаю какого-то торжества, были действительно из китайки, то в ответ на насмешки девушек парень горделиво отвечал:

Брешете, дружки-панянки!
На мені сорочка з китайки,
Мене мати вряжала
Із скрині сорочку давала! [40]

Покупали китайку в основном имущие казаки. Из нее шили жупаны, кафтаны, шаровары, делали верх шапки. Так, одна из мастерских в Запорожской Сечи, изготовлявшая сравнительно дорогую одежду, сшила в 1760 г. для казака Рогиевского куреня Тишка «...два вишне-

---

[35] См. *В. А. Голобуцкий.* Черноморское казачество, Киев, 1956, с. 82—85.
[36] См. *П. Кулиш.* Записки о Южной Руси, т. I, СПб., 1856, с. 14—16.
[37] *В. Антонович, М. Драгоманов.* Исторические песни малорусского народа, т. 1, Киев, 1874, с. 1, 2.
[38] См. *В. А. Голобуцкий.* Указ. раб., с. 88.
[39] *П. П. Чубинский.* Указ. раб., т. IV. СПб., 1877, с. 480.
[40] *П. Я. Литвинова.* Весільні обряди і звичаї у с. Землянці, Глухівського повіту в Чернігівщині, 1900, с. 98.

вих каптана, два кимлики з китайки, джереловскому Ивану Тарану — 4 каптани... жупан, каптан гранатовый китаевые...[41] Верхушка казачества — старшинство использовала для одежды не только китайку, но и более дорогие ткани, такие, как сукно, тафта, камка, атлас, бархат и парча. Какое-то количество этих тканей вместе с другими дарами она получала как царское жалование «за заслуги казацкие». С рядовыми казаками расчет за службу, как видно из песен, часто производился китайкой, поэтому и именовалась она в песнях «заслугою козацькою»[42]. Ею и покрывали погибшего казака.

А в тім віиську, а в тім віиську козацькому
Їхав возок та й покритий
Червоною, червоною китайкою,
Заслугою козацькою.
А в тім возку, а в тім возку було тіло,
Порублене, почорніле[43].

В народных песнях широко варьируется тема использования китайки во время похорон казака.

Вкрите лице китайкою,
Щоб від вітру не счорніло,
А від сонця не сгоріло[44].

Ой на горі просо, на долині жито;
Під білою березою козаченька вбито;
Ой вбито, вбито, затягнено в жито,
Червоною китаєчкою личенько покрито[45].

Причем это, как видно, установившаяся традиция. О ней, как о должном, говорит и тот, кто готовится встретить свой смертный час.

Самого мене, Олексія Поповича, візьміте,
До моєї шиї камінь біленький прив'яжіте,
Очі мої козацькі молодецькі
Червоною китайкою затміте,
У Чорне море
Самого мене спустіте...[46]

Дума «Федір безродний, бездольний» донесла до нас еще одну деталь похоронного обряда казака:

Да тіло козацькеє молодецькеє знахожали,
На червону китайку клали...[47]

Этот ритуал, очевидно, связан с установившейся традицией оказания особой почести высокому, дорогому гостю — сажать его за стол на лавку, устланную красной китайкой.

За білу руку його хватає,
. . . . . .
Та в свою палату його зазиває,
На червоній китайці саджає...[48]

---

[41] *В. О. Голобуцький.* Запорізька Січ в останні часи свого існування (1734—1775 рр.), Київ, 1961, с. 280.
[42] «Історичні пісні», 1970, с. 54 («Пісня про взяття козаками Варни»).
[43] «Українські народні пісні», Київ, 1967, с. 161.
[44] *П. П. Чубинский.* Указ. раб., т. V, ч. III, с. 944.
[45] Там же, с. 375.
[46] «Думи», Київ, 1955, с. 50.
[47] «Українські народні думи та історичні пісні», Київ, 1955, с. 36.
[48] «Думи», Київ, 1959, с. 24.

Как явствует из думы «Івась Коновченко», в Запорожской Сечи сидеть на красной китайке означало занимать определенное служебное положение. Корсунский полковник, наставляя Ивася, говорит ему:

Не благословлю я тобі, отецький сину,
Іти на Черкену — долину
Безпечно гуляти,
А благословлю я тобі на червоніи китайці за столом сидіти,
Пером на папері писати
Та козакам, гетьманцам-запорожцям, порядок давати...[49]

Все возрастающий спрос на прочную и красивую ткань привел к увеличению импорта китайки, а затем и к ее производству в России. Первой хлопчатобумажной мануфактурой, на которой занялись изготовлением «... из бумаги китайки, персидских пестрядей, кнопов бумажных, индейских гингас...», стала фабрика, основанная в 1720 г. в Москве Иваном Тамесем[50]. К началу XIX в. производство хлопчатобумажных тканей, в том числе и китайки, получило широкое развитие в Московской, Владимирской, Казанской, Астраханской губерниях. На Украине китайку стали вырабатывать в 1774—1776 гг. на двух небольших фабриках вблизи города Нежина[51]. Дальнейшее развитие производства китайки в России привело к тому, что в конце первой четверти XIX в. прекращается ввоз китайки из-за рубежа. Более того, одна из разновидностей китайки — нанка стала экспортироваться в другие страны, в том числе и в Китай[52].

Почти на всей территории России китайку стали широко использовать для изготовления народного костюма, особенно сарафанов, которые и назывались китайниками или китаешниками, а сарафан особого покроя (косоклинный) — китайкой[53]. Получили распространение и синие «китаевы» штаны. Из китайки шили рубашки, халаты, юбки, кофты, душегреи, балахоны, куртки, свиты, казакины, шушпаны, сюртуки и т. п. Зажиточные крестьяне покрывали китайкой верх шубы или полушубка[54]. Яркая, нарядная, мягкая и легкая по сравнению с домашним полотном из льна и конопли, а главное — «городская», китайка шла на изготовление девичьих нарядов.

Що на дівочках плаття —
Все клин да китайка,
Все клин да китайка,
Да зеленая байка[55].

Какое место занимала китайка в костюме девушки, видно из такой песни:

Запрягайте коні живо,
Я вберусь скоро, жваво.
Черевички й китайку,
Всі коралі на останку[56].

---

[49] «Думи», 1959, с. 22—23.

[50] См. *Е. И. Заозерская.* Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в., М., 1953, с. 222.

[51] См. *М. Новицька.* Що таке тканина та кого вона обслуговує. Харків — Київ, 1930, с. 12.

[52] См. *А. Семенов.* Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности с половины XVIII ст. до 1858 г., СПб., 1859, с. 216.

[53] См. *Н. И. Лебедева.* Народный быт верховьев Десны и в верховьях Оки, М., 1927, с. 51.

[54] См. «Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — нач. XX в.). Определитель», М., 1971, с. 17, 26, 32, 57, 91, 103.

[55] «Українські народні пісні», Київ, 1963, с. 113.

[56] *П. П. Чубинский.* Указ. раб., т. V, с. 1085; см. также *Е. Ярошинська.* Народні пісні з-над Дністра, Київ, 1972, с. 266, 267.

Часто упоминается и китайчатый платок.

Ой втонула дівчина, втонула,
Ино хусточка китаєва на верх сплинула.
Ой червоная китаєчка за рік, за два буде,
А милої дівчиноньки вже нігди не буде [57].

В некоторых местах Украины такой «хусточкой» девушка обвязывала себе голову, сложив платок так, чтобы верхняя часть головы и коса с лентами оставались незакрытыми. «По этому убору,— пишет Л. Иваница,— сторонний человек и различает девушку от женщины», которая обычно полностью закрывала голову платком [58]. Китайка в девичьем костюме в основном была красного цвета. Она придавала костюму нарядность, хорошо гармонировала с украшениями: вышивкой, цветными лентами, кораллами. Наряду с другими тканями китайка использовалась и при изготовлении приданого. Содержание многих песен свидетельствует о том, что кроме традиционных, всем известных тканых и вышитых украинских рушников изготовлялись рушники и из китайки. По краям они украшались каймой или бахромой (*торочками*), выполненными из другого материала. В песне «Та малая нічка-петрівочка» такие рушники выступают своеобразным мерилом богатства невесты.

— Ночувала в селі в оборі,
Ой в тім селі дівки убогі;
Крають рушники з рядниночки,
А торочечки з кропивочки.
Ночувала же я й іще в селі,
в крайній хаті,
Там уже дівки багаті;
Крають рушники з китаєчки,
А торочечки з позліточки [59].

В другой песне с помощью рушника девушка выражает свое отношение к суженому, которого она не всегда сама себе выбирала.

Мій місяченьку, мій батеньку!
Скажи ж мені всю правдоньку!
Чи я пойду за нелюба,
Чи я пойду за милого?
Ой як я піду за нелюба,
Крайте рушнички з рядниночки,
А утирочки з кропивочки;
А як піду за милого —
Крайте рушнички з китаєчки,
Сучіть втирочки з білого шовку [60].

Из китайки готовила девушка платочки, которые дарила на память своему любимому.

Там дівчинонька хусточки шила,
Та шила хусточки з китаєчки,
. . . . . .
«Це ж тобі, козаче, подарочки
Од твоєї дівчини — коханочки» [61].

---

[57] *П. П. Чубинский.* Указ. раб., т. V, с. 368.
[58] См. *Л. Иваница.* Домашний быт малоросса.— «Этнографический сборник», в. 1, СПб., 1853, с. 344.
[59] «Українські народні пісні», 1963, с. 261.
[60] Там же, с. 194.
[61] Там же, с. 266.

Возможно, что эта «хусточка» (платочек) и была иногда той «червоной китаечкой», которой закрывали лицо погибшему казаку. Использовалась китайка и в качестве свадебных подарков.

Наїхали свати, як іден,
Привезли кітаю, як огонь [62].

В другой свадебной песне поется:

Знати, дівоньку, знати,
Що в єі добрая мати:
Краяла подарочки
З тонкої китаечки... [63]

Такими подарками обычно были платки и рушники. Ими невеста одаривала сватов, родственников жениха, своих подруг (дружек). Ценились эти подарки, как видно из шуточной песни, весьма высоко.

Що ваши подарки —
Чорниє чоботи,
Шевскої роботи;
А наши подарки —
Билої китайки [64].

Особой, специально приготовленной для этого случая нарядной «хусточкой» девушка перевязывала руку жениху, выражая этим свое согласие выйти за него замуж. Широко использовалась китайка и в другие моменты свадебного обряда.

Та риж, матинко, кытайкы,
Застылай столы и лавкы;
Та йдуть дружечкы панянкы [65].

После венчания с молодой снимали «весильный» (свадебный) венок и торжественно покрывали голову женским головным убором, состоящим из нескольких частей. Начинали обычно с кибалки — деревянного обручика, обшитого тканью, вокруг которого закручивали волосы. По традиции молодая, как бы не желая оставлять девичество, дважды срывает с головы кибалку и бросает ее прочь от себя и только на третий раз покоряется. Дружки при этом поют:

Ваша кибалка поганка,
Наша китайка коханка,
Вашу кибалку пид стил,
Нашу китайку на стил [66].

Под «китайкой коханкой», очевидно, подразумевается девичья «хусточка». Сверху кибалки на голову молодой надевали «очипок» (чепец), а затем повязывали «намитку» — длинное узкое полотнище. Замена венка женским головным убором означала для девушки расставание с вольной девичьей жизнью, вступление в женское общество с повседневной тяжелой работой, с постоянными заботами, с безропотным подчинением мужу. Все это нашло отражение в свадебных песнях.

Дала ручку, дала і світ собі зав'язала,
Світ собі зав'язала білою китайкою
І чорною нагайкою [67].

---

[62] *П. П. Чубинский.* Указ. раб., т. IV, с. 175.
[63] Там же, с. 648.
[64] Там же, с. 361.
[65] *Д. И. Эварницкий.* Указ. раб., с. 524.
[66] *В. Н. Ястребов.* Народные песни Херсонского края.— «Киевская старина», т. XLIV, 1894, с. 568.
[67] *Н. И. Теодорович.* Волынь в описаниях городов, местечек и сел, Почаев, 1899, с. 767.

Нагайка в таких песнях выступает как атрибут насилия, как символ тяжелой женской доли. Для усиления в песне трагического момента нагайка сопровождается эпитетом «чорна». Китайка в этих случаях тоже никогда не бывает «червоной», чаще всего она синяя.

Я й сам не пиду, тебе не пустю,
Молодая Марфычко.
Завьяжу очи темной ночи
Сынею кытайкою,
Закажу тоби си вечерныци
Чорною ногайкою [68].

Синий цвет китайки в подобных песнях не только соответствует настроению песни, но и в какой-то степени характеризует одежду замужней женщины, более скромную и сдержанную по цвету, чем девичья.

Почти три столетия китайка бессменно находилась в обиходе украинского народа, была с ним и в радости и в горе, этим она заслужила его признательность, добрую память и широко отразилась в народной песне.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась в России бурным ростом промышленности, в том числе и текстильной. Строились новые фабрики, совершенствовалось оборудование и технология текстильного производства. Начался массовый выпуск тканей различного вида и назначения. И на смену китайке пришел ситец — легкий, дешевый, нарядный и веселый. Китайка ушла из народного быта, но сохранилась в старинной украинской народной песне.

---

[68] *Д. И. Эварницкий.* Указ. раб., с. 558.